
Солоухин
БЕСЕДЫ ОБ ИСКУССТВЕ
РОДНАЯ КРАСОТА



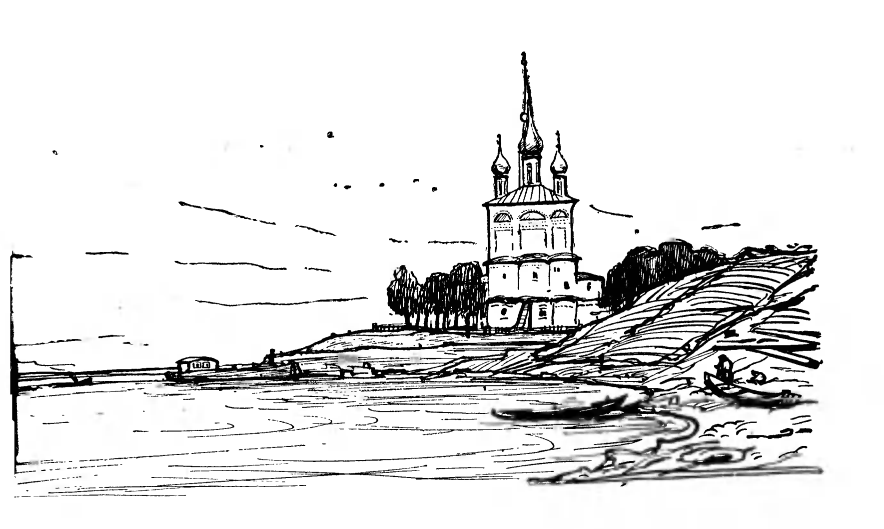
БЕСЕДЫ ОБ ИСКУССТВЕ

В. СОЛОУХИН

РОДНАЯ КРАСОТА

(Для чего надо изучать и беречь памятники старины)

Советский художник. Москва



Подъезжая к Варшаве, вы уже знаете, что более чем на девяносто процентов этот город был разрушен во время последней войны и фактически представлял собой огромное по протяженности скопление руин, да и не руин в строгом смысле этого слова, а холмов битого кирпича, щебня, перемешанного со стеклом и искореженной железной арматурой.

Трудно было подступиться к развалинам, существовала уже точка зрения, не оставить ли все, как есть, а столицу перенести в другой город, куда-нибудь в Люблин или Краков, мало ли в Польше хороших и популярных городов. Но, значит, есть что-то такое для народа в слове «столица» и в том, что именно, в данном случае, Варшава — столица, что нельзя было без огромного морального ущерба бросить на произвол судьбы то место, которое в течение нескольких веков называлось Варшавой.

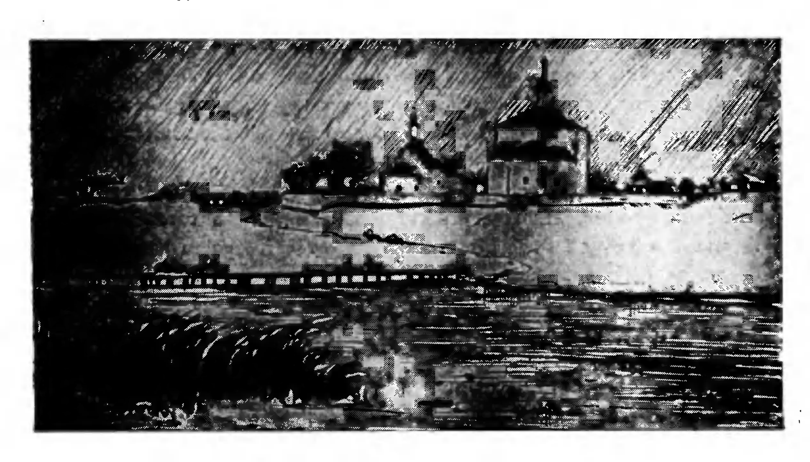
Город восстановили, построили заново, возвели так, что трудно представить себе, будто на берегах Вислы была только груда развалин. Особенно трудно представить, потому что весь центр Варшавы поляки восстановили в таком виде, в каком он был до войны. Так называемый Старый город — средневековая часть Варшавы — замечательный по красоте и общему архитектурному колориту ансамбль выглядит так же, как он выглядел в средние века. Правда, строители пошли на компромисс: за средневековыми фасадами, под остроконечными крышами люди живут теперь в современных благоустроенных квартирах, с газом и горячей водой, а под железным рыцарским сапогом торгуют модными туфельками на тончайших гвоздиках.

На Замковой площади не хватает для завершения ансамбля только одной детали — самого замка. Но уже есть решение построить и замок, уже идет сбор средств на его восстановление — народ хочет, чтобы замок был.

Что же, может быть, такой уж старомодный народ поляки, тянет их к старине, может быть, у них отсутствует чувство нового и все их взгляды обращены назад, в глубины истории, а не в будущее, которое они теперь сами же строят?

Но достаточно выехать на любую окраину Варшавы, достаточно увидеть промышленный город — Новую Гуту возле Кракова, чтобы убедиться воочию, насколько и в какой степени у поляков развито чувство нового. В магазинах, салонах при-


Ансамбль Кидекши. XII в.





Крепость во Пскове.

кладного искусства поражают ваш взгляд ультрасовременная мебель, низкие креслица, торшеры, плетеные из прутьев, стулья из веревок, ковры из соломы, керамика и ткани, разукрашенные рукой художника-модерниста. Созданы огромные кварталы, даже целые города в современном стиле. Все это так. Но все же, если поляк захочет вам показать свою столицу, он начинает с Краковского предместья, с Замковой площади, с так называемого Старого Мяста, то есть с той средневековой Варшавы, о которой только что шла речь.

Да не в том ли все дело, чтобы иметь возможность показать иностранцу, похвалиться перед ним стариной, внушить ему уважение к собственной стране и собственной нации, которая вон еще когда умела уже строить вон какие дворцы, соборы и замки, создавать вон какие городские ансамбли!

Не к тому ли сводится все значение памятников старины, памятников архитектуры и искусства?

Но если так, то бог с ними, с иностранцами, с заморскими туристами. Стоит ли ради них тратить энергию и средства на поддержание, на реставрацию и сохранение старинной архитектуры, стоит ли вообще принимать в расчет иностранцев,



если нам самим с практической стороны все это не так уж важно и нужно?

К сожалению, подобные мнения существуют, мало того, подчас высказываются в печати, а подчас и решают судьбу того или иного памятника.

А ведь древние памятники — это те же рукописи, те же сказания и поэмы. Каменные песни, каменный фольклор, каменные былины — так говорят иногда про замечательные памятники древней русской архитектуры.

Киевская София построена, например, на месте битвы с печенегами и представляет собой вдохновенную песню в честь победы.

Грандиозен и величествен ансамбль Ростова Великого (Ярославского), торжественны и могучи соборы в Киеве или Новгороде. Это действительно эпос, это вроде «Слова о полку Игореве». Но бывает и просто лирика.



Ансамбль Ростова Великого. XVII в.

Самым лирическим, самым просветленным и чистым произведением народного гения Древней Руси является, несомненно, церковь Покрова-на-Нерли.

Ровесница «Слова о полку Игореве» (1165 г.), она простояла восемьсот лет, пронеся через осенние бури и зимние вьюги свою первозданную лебединую красоту.

Ее построил Андрей Боголюбский как торжественный монумент в память о победоносном походе владимирских полков на волжских болгар. Из похода не вернулся юный сын князя Андрея — Изяслав. Первоначально у церкви была шлемовидная глава, значит, она действительно могла быть похожа на стройного юношу воина. Впоследствии шлем заменили «луковкой», и теперь церковь стоит, как невеста, белоснежная, сочетающая в себе одновременно и нарядность и скромность.

Церковь Покрова-на-Нерли расположена на зеленом лугу, она смотрится в светлую воду, отражаясь в ней. Она стоит, как

на зеркале, а кругом зеленая трава. Многочисленные туристы приезжают и приходят посмотреть на нее. Посмотрят, помолчат, уезжают тихие, очарованные.

Современный поэт Н. Коржавин написал о ней такие строки:

...По какой ты скроена мерке;
Чем твой облик манит вдали,
Чем ты светишься вечно, церковь
Покрова на реке Нерли?
Невысокая, небольшая,
Так подобрана ладно ты,
Что во всех навек зароняешь
Ощущение высоты.
Так в округе твой облик точен,
Так ты здесь для всего нужна,
Словно создана ты не зодчим,
А самой землей рождена.

Конечно, не все, любуясь этим изумительным сооружением, знают, в честь чего построена церковь. Почти никто из многочисленных туристов не смотрит на нее как на церковь, так же как мало кто думает, глядя на «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, что, в сущности, он любуется обыкновенной иконой. Правда, что в прошлом, особенно в средние века (но и позже тоже), искусство часто выливалось в религиозные формы. Для нас теперь памятники этого искусства имеют совсем иное значение: историческое, научное, воспитательное, эстетическое и какое угодно, меньше же всего — религиозное. Это нужно четко понимать, не сваливая демагогически все в одну кучу.

Недавно мировая общественность отметила 600-летний юбилей величайшего русского художника Андрея Рублева. Подолгу стоим мы в Третьяковской галерее перед просветленными гениальными творениями монаха. Но дорогà нам в этих творениях их человеческая сущность, а не религиозный фетиш. Ах, как четко нужно нам это понимать!

А то ведь что получается. Выпустили владимирцы к 850-летию своего города чернильный прибор в виде знаменитых золотых ворот — сооружения, украшающего город Владимир. И журнал «Наука и религия» немедленно обрушил на их голову ядовитую безымянную статью. Неизвестный автор недоумевает, как может современный человек поставить у себя на столе макетик золотых ворот. А в это время сам автор, наверно, не прочь повесить в своей комнате гравюру, изображающую Собор Парижской богоматери или копию Мадонны Рафаэля, или время от времени послушать «Аве-Марию» Баха ли, Верди ли, Шуберта ли. Ну что же, пластинки с этой «церковной» музы-



Церковь Покрова-на-Нерли. XII в.

кой можно купить в любом нашем магазине, где только продаются пластинки, — есть в исполнении Гоар Гаспарян, есть в исполнении Зары Долухановой, есть в исполнении скрипичного ансамбля Большого театра Союза ССР с арфой.

Почему же, как скоро дело касается западного искусства, мы тотчас отделяем его эстетическую и историческую сущность от религиозной, а у себя дома никак не научимся этого

делать. По-прежнему нет-нет да и услышишь удивленный возглас: «Представь себе, на сорок восьмом году Советской власти ремонтируют церковь!»

А между тем рассказывают, как чуть ли не на первом году Советской власти Владимир Ильич Ленин, гуляя по Кремлю, заметил в одной из церквей разбитое окно. Его разбили игравшие там дети. Владимир Ильич тотчас сделал выговор заведующему музейным отделом, сказав, что дело охраны памятников в Кремле стоит не на должной высоте, что он требует большей к ним внимательности...

Что бы сказал Владимир Ильич, когда уж не дети, а взрослые люди начали разбивать не стекла, а целые сооружения? В том же Кремле исчезла с лица земли одна из первых каменных построек Москвы, заложенных еще Иваном Калитой. Я имею в виду Спас-на-Бору, стоявший во дворе Большого Кремлевского дворца и никому не мешавший. А где Триумфальные ворота, построенные в честь победы русского оружия над Наполеоном? Я думаю, что Владимир Ильич, ругавший начальника музейного отдела за одно разбитое в церкви стекло, не похвалил бы за снос Триумфальных ворот или грандиозного храма неподалеку от Кремля, пусть не древнего, но хранившего бесценную живопись Васнецова, Нестерова и Сурикова.

Скажут — реконструкция Москвы. Но Владимир Ильич Ленин в беседе с архитектором Жолтовским говорил, что реконструировать Москву нужно так, чтобы не повредить ни один памятник русской культуры.

Любо нам глядеть на остатки римского Колизея, на афинский Акрополь, на собор Петра, на музейные ценности ансамблей Кракова, на замки тевтонского ордена, например, в Мельбурне, но зачем же ломать свое? И если мы радуемся, видя, как в Варшаве воссоздают из руин черты древнего, исторически сложившегося города, то стоит ли нам разрушать то, что пока требует усилий лишь для консервации, а подчас единственно— оставить памятник в покое, обойти его стороной.

Может быть, если еще раз возвратиться к характерному примеру Варшавы, кто-нибудь выскажет и такую точку зрения: «Напрасно они тратили средства на восстановление средневекового города. У них ведь жилищный кризис. Лучше бы строили скороспелые незамысловатые дома, чтобы быстрее обеспечить людей жильем. Надо же думать о человеке!» С этим можно согласиться разве только потому, что они воссоздают город из руин, на ровном, можно сказать, месте. А что бы



Псково-Печорский монастырь. XVI в.

мы сказали, если бы Старый город у них был цел, а они его начали бы вдруг рушить, а на этом месте строить современные дома, как будто мало вокруг Варшавы места для подобного строительства.

Пожалуй, такой поступок казался бы нам диковатым. Что же касается заботы о людях, то, мне кажется, воссоздавая исторически сложившийся город, они как раз и думали о человеке больше, нежели чем настроили бы на этом месте скороспелых домов-коробок. Мало того, они думали еще и о грядущих поколениях, и о судьбе своей страны в будущие времена.

Здесь уместно подумать, что же значат для нас и зачем нам нужны памятники старины, памятники архитектуры, живописи, вообще искусства.

Профессор Н. И. Воронин — большой и тонкий знаток предмета — пишет: «Интерес и любовь к этим памятникам не праздное чудачество «любителей старины», не прихоть бездельников, но естественное проявление живого чувства патриотизма, гордого сознания крепости и вечности тех глубоких корней, на которых выросла наша современная культура, созданная не

вчера и не на пустом месте, а на земле, возделанной многовековым трудом народа... Мы воспринимаем памятники искусства прошлого прежде всего как творение человеческого гения, гения трудового народа. Именно его руками созидалась культура в целом, создавались все материальные блага, строились разнообразные здания. Поэтому памятники архитектуры и искусства драгоценны для нас прежде всего как исторические источники, позволяющие осветить различные стороны минувшей жизни народа».

О том, что народ является творцом культуры, говорил в свое время и М. Горький. «Основоположниками искусства, — писал он, — были гончары, кузнецы, ткачихи и ткачи, каменщики, плотники, резчики по дереву и кости, ружейники, маляры, портные, портнихи и вообще ремесленники, люди, чьи артистически сделанные вещи, радуя наш глаз, наполняют музей».

У В. Г. Белинского высказан взгляд на историческое, так сказать, научное значение старины: «Не говорите, что у нас нет памятников, что знаменитейшие события нашей истории записаны только на сухих страницах летописей, но не переданы памяти потомства в произведениях искусства... Они рассеяны всюду, особенно в старинных городах наших, но не всякий захочет заметить их... По одним этим памятникам можно было бы прочесть историю Руси...». И, наконец, у Пушкина читаем по этому поводу: «Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

Однажды мне позвонили из газеты с просьбой написать статью «Чувство Родины». Тема, конечно, интересная, прямо-таки захватывающая, но ведь и сложная.

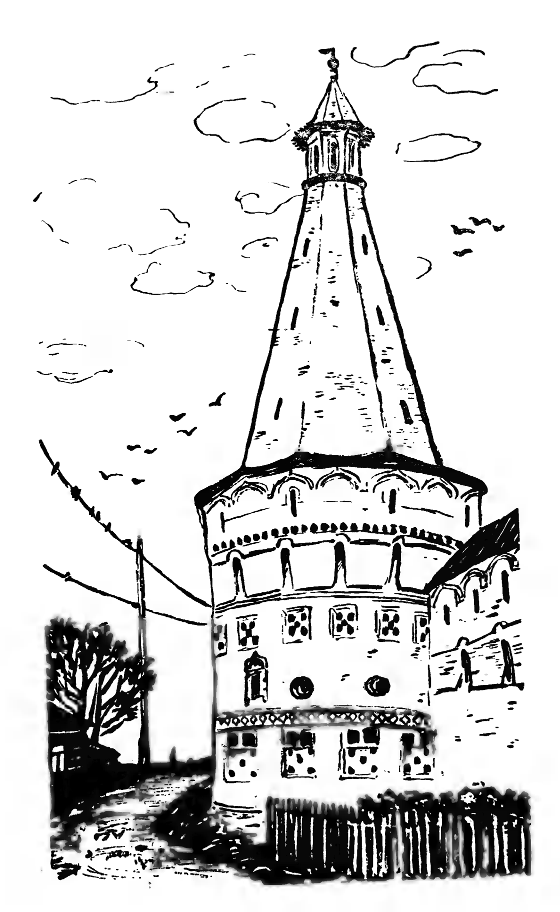
— А как сами вы понимаете эту тему? — спросил я у работника газеты.

— Ну, как чувство патриотизма, гордости. Наши достижения. спутники, космические корабли...

— Прекрасно. Нашими достижениями нельзя не гордиться, и гордость эта, несомненно, войдет, так сказать, компонентом, или, если хотите, мотивом в общее сложное чувство Родины. Но когда был запущен первый спутник?

— Семь лет назад.

— Не думаете ли вы таким образом, что семь лет назад я, как и каждый из нас, любил свою Родину меньше и слабее, чем теперь? Или, может быть, солдаты в первые дни войны любили ее меньше, чем мы сейчас? Хотя тогда, в те черные дни не было у нас не только космических кораблей, но обыкновенные наши самолеты были хуже немецких.



Башня Иосифо-Волоколамского монастыря. XVII в.

Но именно в те дни поэт заговорил о гордости за то, что его родила русская женщина и проводила в бой, трижды обняв, как полагается по русскому обычаю. Если вспомнить хорошенько, то именно в те дни вновь и по-новому зазвучали имена славных сынов русского народа Дмитрия Донского, Александра Невского, Михаила Кутузова. Тогда же появился роман о белой березе, возродилось и само слово «Россия».

Не ставя себе непосильной задачи проанализировать симфонической сложности чувство Родины, я осмелился бы выделить два момента, которые мне лично кажутся главными.

Во-первых, любовь, проникновенное, сознательное (или, может быть, в иных случаях бессознательное) чувство природы. Высоко в горы на заоблачные Сырты угоняют летом свои отары киргизы. Для аксакала ничего не может быть милее отвесных скал, кипящих горных потоков у их подножия, орлов, пролетающих с места на место в непосредственной близости от человека, как если бы у нас грачи или галки. Предложите ему променять Сусамыр — высокогорную долину, по которой мчатся восемьдесят горных рек, на что-нибудь другое, убеждайте его, что это другое — сказка, рай земной, Капри, Ницца, Калифорния, ведь он ни за что не согласится.

Приходилось мне бывать в кочевых чумах ненцев оленеводов. Казалось бы, что там любить. Однообразная, насквозь промороженная земля, у которой оттаивает летом верхний слой. Тогда получаются тут сырь и вязь, болота, зыбуны с бесчисленными стеклышками озер, от скудного тепла и сырости растут лишайники — основная растительность суровой тундры. А зимой снег и ночь. «У нас, — шутят ненцы, — только одиннадцать месяцев зима, а то все лето да лето».

Но не соблазнишь их горами или той же Ниццей.

Одним словом, кому — степь, кому — горы, кому — морское, пропахшее рыбой и солью побережье, а нам — родная русская природа, не эдельвейс, а незабудка, не саксаул, а черемуха, не пальма, а, к примеру, рябина, не горная, ворочающая камни река, а тихие наши красавицы с желтыми кувшинками и белыми лилиями, вплетенными в светлые струи, не шестидесятиградусное жестокое солнце Хивы, а доброе солнышко Рязани. И чтобы жаворонок дрожал над полем в сиянии голубого дня, и чтобы скворешник на березе перед крыльцом, и чтобы водились в нем летом скворцы, а зимой квартировали морозоустойчивые, в шубенках нараспашку, дотошные воробьи.

Было бы бессмысленно перечислять все приметы русской природы. Но из тысяч примет и признаков складывается то общее, что мы зовем родной природой и что мы, не отрекаясь ни от морской синевы, ни от высокогорной сияющей белизны, любим все же сильнее, чем что-либо иное в целом свете.

Чувство родной природы, любовь к ней бесспорно занимает одно из главных мест в сложном чувстве Родины. Но все же оно, ну что ли, слишком непосредственно, непроизвольно, я бы даже сказал; слишком инстинктивно, чтобы на нем одном



Дворец царевича Дмитрия в Угличе. XIV в.

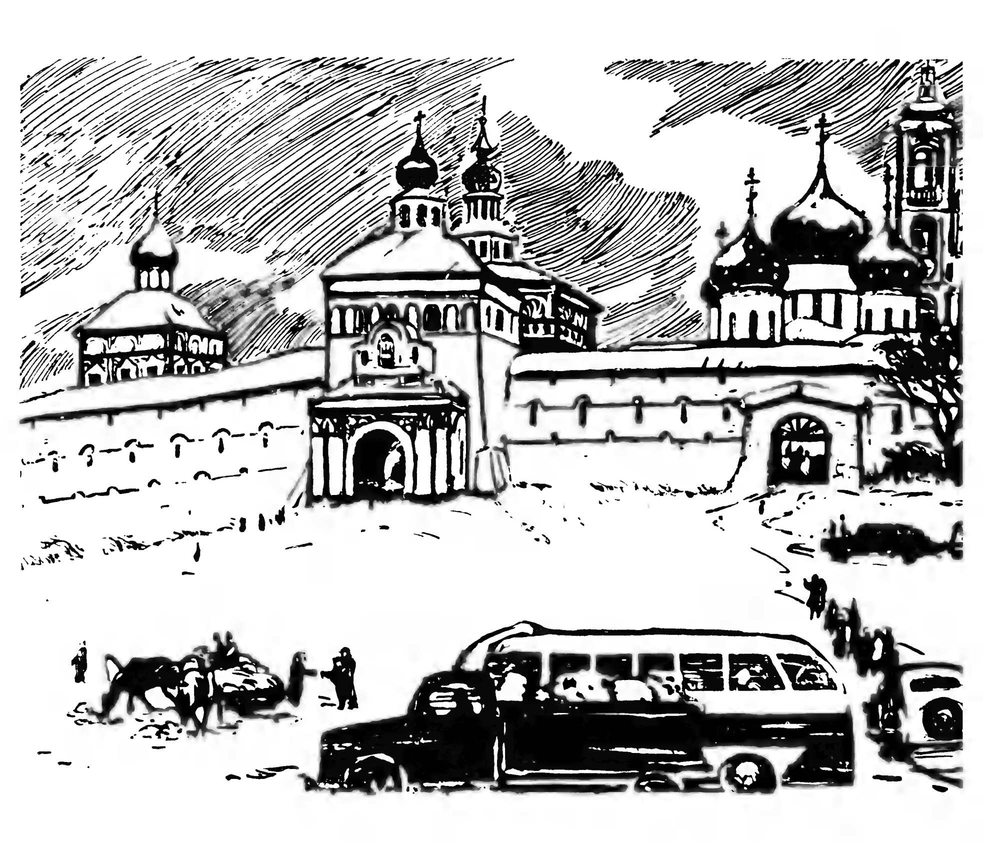
все и держалось. Да простится мне грубость аналогии, но ведь и красноклювую альпийскую галку не заставишь водиться под домашней застрехой.

Одно время в нашей литературе осуждалась так называемая пейзажная лирика, стихи, воспевающие родную природу, красоту ее, любовь к ней. А между тем, воспитательное значение такой литературы несомненно — и именно в воспитании глубокого чувства Родины.

Ведь если вдуматься, родная природа для нас не только то, что невольно видит и чем невольно любуется глаз. Не поймаем ли мы себя на том, что постепенно мы прошли хорошую школу понимания родной природы, что, воспринимая и любя ее, мы невольно приводим в движение эмоциональные резервы, накопленные нами при чтении Пушкина, Тургенева, Тютчева, Фета, Алексея Константиновича Толстого, Пришвина, Леонова, Паустовского. При слушании музыки Мусоргского или Чайковского. При разглядывании пейзажей Левитана, Шишкина, Саврасова, Поленова, Коровина, Васильева, Врубеля, Рериха, Кустодиева, Рябушкина, Рылова и многих, многих художников слова или кисти.



Таким образом, чувство родной природы в нас как бы организовано или, скажем точнее, само это чувство в нас культурно. Здесь мы приблизились ко второй половине, вернее, ко второму главному моменту и можем сказать, что чувство Родины состоит, во-первых, из чувства родной природы, любви к ней, а, во-вторых, из чувства родного народа и любви к нему.
Что же еще за диковина — чувство родного народа? И что же представляет из себя народ? Разные бывают люди — дурные и хорошие. Одного ведут на скамью подсудимых, другого венчают лаврами, один видит далеко окрест и во времени и в пространстве, другой — не дальше своего носа. Да и в одном-то человеке иной раз живет много противоречивого. Кажется,



Загорск. Ансамбль Троице-Сергиевой лавры.

у Горького один из мужиков присел на камушек и задумался— не то в монастырь идти, не то в разбойники.

Но если так рассуждать, если рассыпать народ на десятки миллионов единиц, чтобы каждая сама по себе, то подобное механическое скопление людей не способно будет ни к какому историческому действию: ни отстоять свою независимость, выиграв войну, ни совершить революцию, ни построить новое общество, ни, тем более, создать и передать потомкам систему нравственных идеалов, без чего невозможна полнокровная жизнь никакого общества. Дело теоретиков научно определить, что такое народ, нация. Для меня лично народ — это то,

что им создано и совершено на протяжении многовековой истории.

Что могли бы сказать, например, о русском народе, если бы он не оставил городов Киева, Суздаля, Владимира, Ростова Великого, Москвы, Ленинграда; если бы он не оставил нам «Слова о полку Игореве» и былинных богатырей, если бы не ходил он «где водью, иле волокма» из варягов в греки; если бы не предупреждал он противника перед боем: «Иду на вы»; если бы не пробрался он в синюю-синюю Индию, прикинувшись Афанасием Никитиным; если бы не бунтовал он в лице Стеньки Разина, Пугачева, протопопа Аввакума или даже боярыни Морозовой; если бы не напел он нам своих протяжных песен про Волгу, про волю, про высокие терема; если бы не создал он исподволь тип жилища, тип поселения, тип утвари, тип одежды, а также и обряды, которые тоже есть фольклор, а значит, искусство; если бы не победил он татар на поле Куликовом, турок под Измаилом, французов под Бородиным, если бы не освободил болгар от пятисотлетнего ига, не изгнал интервентов, не вынес ленинградской блокады, не выиграл великой битвы на Волге, не взял Берлин, не воспрял из пепелищ развалин, не запустил бы космические корабли?!

Мы остановились на том, что чувство Родины есть чувство родной природы и чувство родного народа, то есть всего, что создано и совершено им за многовековую историю.

Но нетрудно заметить, что все свершенное и созданное народом невольно делится на две части.

С одной стороны, это то, что совершено и создано лучшими сынами народа, теми людьми, которых народ как бы командировал в историю, уполномочив от своего имени совершать и создавать. Это сотни и тысячи имен полководцев, поэтов, ученых, писателей, художников, композиторов, певцов, общественных деятелей... Гений — завершающий штрих, так сказать, шпиль на здании культуры народа, его цивилизации. Естественно, что шпиль не может повисать в воздухе, он должен воздвигаться над зданием, а здание покоится на прочном, в плане культуры, многовековом фундаменте.

С другой стороны, народом же свершено и создано и то, о чем мы не можем сказать, что это Пушкин или Лермонтов, или Казаков, или Мусоргский, или Нестеров, но тем не менее это-то и есть основание его культуры, его цивилизации.

Обычаи народа (начиная с обычая говорить: «Здравствуйте!», «Хлеб да соль», «Спасибо», «Прощай»), обряды, одежды, безымянные песни, неведомым хореографом срежиссированные

народные танцы, эпос народа, его загадки, пословицы, поговорки, частушки, его резьба по дереву, проявившаяся в наличниках, карнизах, деревянной утвари, роспись посуды, прялок, дуги, подноса, шкафа, орнамент на вышитом полотенце или сарафане, рисунок кружева — все это есть искусство самое истинное, ибо даже, когда мы хотим определить высшую степень любого искусства, мы говорим про него — народное, и выше этого не разумеем ничего.

Но, пожалуй, ни в одной области не проявился так безымянный народный гений, нигде не было ему такого обширного поля деятельности, нигде он не принял таких осязаемых и зримых форм, как в архитектуре. Деревянные сказки и каменные песни оставил он нам в наследство по всей необъятной нашей земле.

Советский поэт В. Шефнер блестяще сказал об этом в стихах:

...Но вверх взгляни, над сизыми холмами
Увидишь ты ожившую мечту, —
Как дым костров в безветрии, как пламя,
Как песня храм струится в высоту.
Он рвется ввысь, торжественен и строен,
Певучей силой камень окрылен, —
Для бога он, иль не для бога строен,
Но человеком был воздвигнут он.
И нет в нем лицемерного смиренья, —
Безвестный зодчий дерзостен и смел,
Сам стал творцом — и окрылил каменья
И гордость в них свою запечатлел.
И ты стоишь на каменном пороге,
И за людей душа твоя горда, —
Приходят боги и уходят боги,
Но человек бессмертен навсегда.

Весь Север — Архангельская и Вологодская области — был буквально изукрашен деревянным зодчеством безымянных русских мастеров. На излучинах рек, на холмах, на так называемых угорах, так, чтобы видно было из-за сумчатых елей, ставили мастера просторные рубленые храмы, и каждый из них был, как сказка, но воплощенная не в слове, а в иных — архитектурных формах. Правило при строительстве было одно: «Как мера и красота скажет».

Корреспондент газеты «Вологодский комсомолец» В. Аринин так пишет об Анхимовской церкви, что стояла в семи километрах от Вытегры:

«Это было время, когда русская деревянная архитектура достигла расцвета. Одним топором рубили русские мастера изу-

мительные терема, дома, храмы. И нас сегодня интересуют не предметы религиозного культа, не темная вера прошлого, а создания рук человеческих, подлинные ценности зодчества.

Стояла она на самом берегу реки — в семи километрах от города Вытегры. Ее называли «дивом» — настолько поражала всех ее красота. Она была рублена одними топорами без какого-либо крепежного материала, в том числе без единого гвоздя. Вознесенная более чем на 40 метров ввысь, она венчалась ярусной композицией глав — подлинным деревянным кружевом. Сколько же их было — глав на церкви? Удивительно, что даже местные жители не знают этого. Одни говорят, что глав насчитывалось 19, другие — 20, третьи — 22. В этом был «фокус» древних строителей. Главы на церкви располагались так оригинально, представляли собой такое переплетение, что их было трудно сосчитать. Случалось, что утром человек насчитывал одно число глав, а вечером у него получался другой счет... И так могло повторяться изо дня в день, из года в год. Табличка и макет в Вытегорском краеведческом музее говорят, что глав было двадцать.

Кто строил Анхимовскую церковь? До нас дошли имена Петра Невзорова из деревни Низорево и Буняка из деревни Зеленино. Их считают главными на работах, создателями церкви. Древняя надпись перечисляла имена семидесяти пяти плотников, строивших церковь, в том числе и двенадцати женщин.

Сведений дошло немного—больше осталось легенд. Кто они—мастера прошлого, мы не можем сказать это с полной определенностью. Но несомненно — это были люди большого таланта. Простые крестьяне, едва умевшие читать по складам или совсем неграмотные, они были замечательными архитекторами и художниками. Каким изумительным художественным чутьем нужно обладать, чтобы топорами, «на глазок» создать такое строение, такую деревянную вязь! Несомненно, это были люди гордой и богатой души. Только гордые, исполненные внутреннего достоинства люди могли создать столь красочное творение. И как ни была забита, затравлена заботами и нуждой их жизнь, они строили храм своей мечте, своей надежде...».

Таким образом, древнерусский зодчий, строя храм, как бы «лепил» его, присматриваясь к своему творению в самом процессе его роста, оценивая его видимость на данной точке с различных сторон и расстояний, в разных условиях освеще-



Северная изба.

ния и т. п. и внося коррективы в соответствии с тем, «как мера и красота скажет».

Нужно сказать к тому же, что старые мастера удивительным образом умели привести создание своих рук в гармонию с окружающей местностью. Куда бы вы мысленно и буквально ни переносили их изделие, всего эффектнее все же оно выглядит там, где было поставлено мастерами.

Однажды в глубине Вологодской области на реке Уртюге мы издали увидели небольшую белокаменную часовенку, которая одна концентрировала вокруг себя весь ландшафт, рассыпавшийся бы без нее на отдельные угоры, лесочки, реку, деревеньки и т. п. С ней же и он, естественный пейзаж, был как бы произведением искусства.

Путешествуя по Владимирской области, мы набрели на деревянную шатровую церковку в селе Глотове. Она стояла в окружении деревьев и деревянных могильных крестов, вся как будто из сказки или с полотна Левитана.

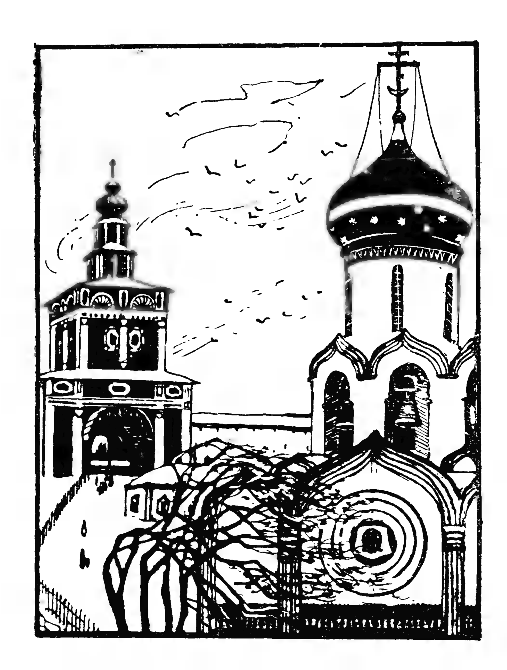
В свое время я написал о том, что глотовская церквушка может развалиться и погибнуть и что не нужно бы до этого доводить, а также вспомнил по этому поводу об оригинальных музеях (например, в Швеции или у нас в Прибалтике), где и

в центрах собраны разные деревянные постройки. Тут-то и была высказана опрометчивая мысль о том, что глотовская церковь, перенесенная из глуши в более доступное место, могла бы сделаться объектом многочисленных экскурсий и туристских походов.

Недавно заехав в Суздаль, я был поражен: посреди музейного двора, в окружении каменных строений я увидел свою старую знакомую — глотовскую церковь. Ее перенесли «в более доступное место». Очень хорошо, что перенесли и сохранили, но, увы, она совсем потерялась среди городских построек, узнать ее можно было лишь с трудом — настолько окружение, пейзаж, ландшафт были учтены в свое время мастерами, настолько они были активны в создании единого целого.

Вот как, примерно о том же самом, пишет Ефим Дорош в своей замечательной книге «Деревенский дневник»:

«Рыбинские мужики, думается, не зря возвели свою колокольню с Ивана Великого. Село их расположено на низком берегу озера, а за селом — высокая гряда холмов. Если бы колокольня была обыкновенной вышины, то она много потеряла бы на



Загорский заповедник.
Духовская церковь. XV в.



Церковь Спас-Нередица. XII в.

фоне этих холмов, потому что церкви особенно хорошо смотрятся с расстояния, когда они отчетливо рисуются на фоне неба. Потому-то и ставились деревенские церкви на самых высоких местах, очень удачно и красиво ставились.

Большинство церквей сейчас, разумеется, закрыто, в них находятся различные склады, мастерские, а то и вовсе они стоят пустыми. Церкви разрушаются, кое-где их уже разобрали или разбирают на кирпич, хотя проку от этого кирпича мало, крыши же и вовсе поржавели...

С исчезновением деревенских церквей несколько обеднеет русский пейзаж... Удивительно хорошо вписаны церкви в природу, свидетельствуя о художественном вкусе строителей, в большинстве своем совсем безвестных. Конечно, есть проблемы и поважнее, однако и об этом надо думать, заботясь о потомках, которых не следовало бы лишать красоты, какой сами еще наслаждаемся. Надо как-то сохранить сельские церкви... Что касается до таких интереснейших сооружений, как Рыбинская колокольня, то их следовало бы реставрировать. Правда, колокольня эта не очень древняя, строена она в середине XVIII столетия архитектором-самоучкой, здешним крестьянином Алексеем Степановичем Козловым. Грешно, право, предать постепенному разрушению эту величественную, воплощенную в камень фантазию крестьянина». Если говорить об

охране памятников архитектуры, то из всех уцелевших памятников подвергаются охране только наиболее древние, причем, нужно сказать, что некоторые из них охраняются активно. Например, реставрируется и приводится в порядок ансамбль Ростова Великого, реставрируется и приводится в порядок ансамбль Суздаля. В хорошем состоянии находятся Успенский, Дмитриевский соборы, церковь Покрова-на-Нерли во Владимире, многие памятники Ярославля, Вологды и т. д.

Стоило маленький макетик деревянной двадцатипятиглавой церкви, что в Кижах, привезти в Брюссель, на Всемирную выставку, как макетик этот был отмечен высокой премией и всех видящих его поверг в изумление и растерянность. А если бы они увидели не макет, а само сооружение, вписанное в северный пейзаж!

Особый разговор может пойти о постройках более позднего времени. Сейчас они не считаются памятниками, сейчас мы ориентируемся все больше на XV, XVI, XVII века. Но время идет, и достанется наша земля во владение потомкам, и художественная (пусть безымянная) постройка XIX века будет для них уникальным древним памятником. Не говоря уж о том, что они, эти памятники, своеобразно украсили нашу землю, создали ее ландшафт, отличный от любой другой земли. Ефим Дорош в приведенной мной цитате выразился мягко: «С исчезновением деревенских церквей несколько обеднеет русский пейзаж». Я же считаю, что когда исчезнут все колокольни и церкви, русский пейзаж потеряет так много, что следующие поколения не смогут представить, в чем же состояла его особенная прелесть.

Между прочим, даже там, где мы думаем о сохранении памятников архитектуры как таковых, иногда лень нам бывает подумать о том, что памятник есть произведение искусства и должен, кроме всего прочего, хорошо смотреться, только тогда он будет украшать нашу землю.

Композитор Берлиоз писал про то, как он увидел церковь в селе Коломенском: «Во мне все дрогнуло. Это была таинственная тишина. Гармония красоты законченных форм. Я видел какой-то новый вид архитектуры. Я видел стремление ввысь и долго стоял ошеломленный».

Если же по имеющемуся проекту вплотную обставить Коломенское жилыми корпусами, то есть, по существу, загородить от глаз людей, то красота пропадет. Нельзя большую картину вешать так, чтобы на нее можно было смотреть только с очень близкого расстояния.



Кижи. XVII в.

В районе Ленинских гор построен мост через Москву-реку. Москвичи выходят на него, чтобы полюбоваться видом Москвы — Лужниками, общей панорамой. Одним из красивых ансамблей на первом плане в этом случае является ансамбль Ново-Девичьего монастыря и кладбище. Так вот теперь его уверенно загородили каменной ширмой вновь построенного здания.

Или вот более серьезный случай. В Вологде главную площадь (я забыл теперь, как она называется) образует чудесный архитектурный ансамбль, выдержанный в одном стиле, мягкий, гармоничный, ласкающий глаз. Теперь, вторгнувшись в ансамбль, строят тут огромное красное кирпичное здание (правильный прямоугольник), и это равноценно тому, как если бы на картину, изображающую городскую улицу, прикрепить настоящий кирпич или выплеснуть чернила. Говорят, кроме того, что дома на главной площади в Вологде хотят надстроить (а то как-то несолидно—трехэтажные дома на главной площади) ,и тогда от ансамбля, украшающего город, ничего не останется. В некоторых землях характерной чертой пейзажа, ландшафта являются, например, большие валуны. Так вот, наиболее живописные валуны находятся там под государственной охраной. Тем самым соблюдается характерный ландшафт страны, и это не чудачество, а истинная забота о красоте родной земли.

Что значит разобрать архитектурное сооружение на кирпич? Это все равно, как если бы человек бронзовую группу, украшающую его комнату, расплавил бы в печке и отлил бы из нее несколько десятков рыболовных грузил.

Недалеко от Суздаля, в селе Весь, в прошлом году уронили колокольню, которая «держала» километров пятнадцать равнинного подсуздальского пейзажа. В результате посреди села холм щебня, кирпичом же воспользоваться не удалось.
Не так давно в селе Рождествене под Владимиром сломали колокольню, про которую у меня с женщиной из Рождествена был такой разговор.

— Так, значит, вы ее знали? — говорила женщина. — Какая колокольня-то была, как девка нарядная. Повалили ее, сердешную, на траву, и рассыпалась она в кучу щебня.
— Да зачем повалили?
— Кирпич, вишь, понадобился, будто кирпичных заводов мало. Думали, дешевле обойдется, ан кладка-то старинная, не разоймешь. Кирпич от кирпича невозможно отшибить, в целом месте трескается, а на шву — никак. И посреди села теперь не поймешь что — валяется груда щебня, неприбрано, как в сарае. Пра, как в сарае. А ведь как чистенько было, вроде бы как-то даже светлее, вроде небо теперь над Рождественом опустилось, ниже стало.

Так говорила мне о красоте архитектуры простая женщина, не читавшая книг по эстетике и, вероятно, не бывавшая ни разу в Третьяковской галерее или Эрмитаже.



Церковь Вознесения в селе Коломенском. XVI в.

А переводить на кирпич (если даже и удалось бы его взять)— это все равно, что судить о ценности картины по стоимости холста и красок, масла и рамы, или о ценности скульптуры по весу, когда попадает она к приемщику утиля, и он бросит ее на весы, не думая о пропорциях, о грации, о традициях и влияниях, о легкости (с точки зрения восприятия, а не веса).

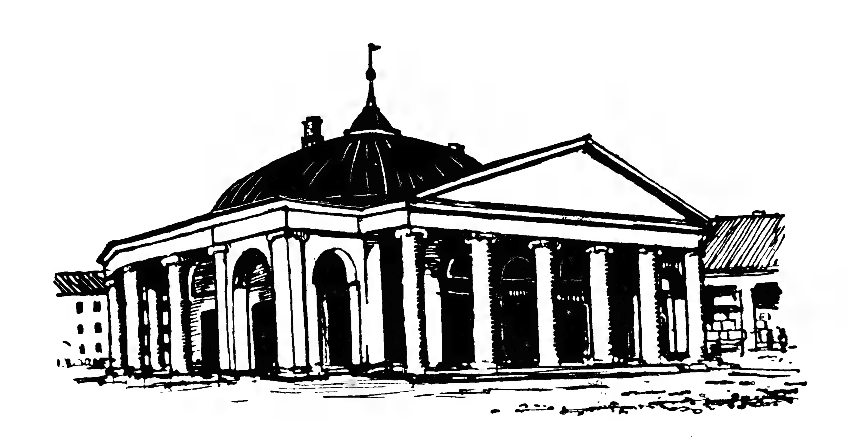
Итак, если подводить итоги всему сказанному, мы должны отметить несколько значений памятников архитектуры.

Во-первых — историческое значение. Каждый памятник — свидетель своей эпохи. Иногда говорят: безмолвный, немой свидетель. Но это неверно. Напротив, очень даже красноречивый; нужно только уметь слушать (ну, или смотреть). Печать времени, печать эпохи лежит на каждом архитектурном сооружении, воздвигнутом нашими предками.

Во-вторых — художественное значение как произведения искусства, как порождения человеческого духа, человеческого гения.

В-третьих — чисто эстетическое значение как украшения, как всякой красивой вещи. Архитектура придала своеобразие пейзажу, лицу страны.

Все эти три ручейка сливаются в один, и тогда мы говорим о воспитательном значении памятников старины. Воспитывают же они едва ли не самое драгоценное и самое лучшее — любовь к Родине и родной земле, к родному народу, его истории, культуре— все, что мы называем емким словом — патриотизм.



72С1

Солоухин Владимир Алексеевич.

С60

РОДНАЯ КРАСОТА

(Для чего надо изучать и беречь памятники старины).

М., «Советский художник», 1966. 32 с. с илл.

Известный писатель Владимир Солоухин в этой небольшой книжке ведет разговор о чувстве Родины, любви к родной природе, бережном отношении к памятникам искусства и старины. Каменными песнями, деревянными сказками встают в глазах потомков древнерусские храмы и крепости. И одной из благороднейших забот каждого поколения становится охрана от разрушений этих прекрасных свидетельств величия и таланта народа нашего.

72С1 + 91(09П)

Обложка и иллюстрации художницы
Н. Виноградовой
Редактор Н. Матвеева.
Художественный редактор Л. Горячкин.
Технический редактор Н. Пташкина.
Корректор Ю. Баклакова.

А11203. Подп. к печ. 25.II-1966 г. Зак. № 2654.
Тир. 27.000. Уч.-изд. л. 1,496. Печ. л. 1. Цена 15 коп.
Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
10	10 сн., 5 сн.	золотые	Золотые
14	15 св.	музей	музеи
27	Подпись под иллюстрацией	XVII в.	XVIII в.

Цена 15 коп.